

15 января 1977 года

творческий портрет

КАК НИКТО ИНОЙ

ЕСТЬ АКТЕРЫ, представляя которых как-то излишне перечислять звания, называть театры. Достаточно произнести имя.

Евгений Лебедев.

Мы встречаемся с ним на театральной сцене, в кино, на телевизионном экране. Резкий, смелый, неожиданный, он умеет заставить нас увидеть в смешном трагическое, улыбнуться сквозь слезы. Ему доступны гротеск и тончайший психологизм, трагедия и эксцентрика — все разнообразие актерских красок. И не каждая краска в отдельности, а в единстве. Самые, казалось бы, несовместимые.

Длинная, прямая, застывшая в своей провинциальной чопорности мадемуазель Куку. Обиженно поджатые губы, колючие маленькие глаза («Безымянная звезда»). Невысокий, густо заросший седыми волосами деревенский старик. Удивительно привлекательный мудрой ясностью взгляда и спокойным достоинством («Последний месяц осени»). Коренастый флотский служака — боцман Кобза, с захватским чубом, свисающим до самых глаз, нагло прищуренных, таящих торжествующую издевку хама («Гибель эскадры»). Дядя Митя, чуточку старомодный, отяжелевший, с простоватым открытым лицом, простодушный и бесцеремонный («Старшая сестра»). Невероятный, как наваждение, фантастический Артуро Уи. Весь какой-то скомканный, замызганный, пепельно-серый, с отвислой собачьей челюстью, непомерно длинными, как у обезьяны, руками, болтающимися из обтрепанных рукавов пальто, с мгновенной сменой ликов — печального, восторженного, величественного, зверски-зловонного — при постоянном тоскливо-настороженном взгляде («Карьера Артуро Уи»). Шеголеватый Монахов, с напомаженными волосами, «элегантного» оттопыренным мизинцем и осунувшимся, озабоченным лицом («Варвары»). Доверчивый, изумленный жеребеночек, едва держащийся на слабых разбегающихся ножках, но уже тянущий шею навстречу солнцу и нарядной порхающей бабочке, навстречу людям, а потом статный конь, летящий по Сретенке в красивой упряжке, горячо раздувающий ноздри, гордо косящий глазом на восхищенную им толпу и, наконец, старый пегий мерин с провислой спиной, тяжело переминающийся с одной больной ноги на другую («История лошади»). Беспокойный суетливый чиновник Поприщин, с измученными глазами и растерянной жалкой улыбкой («Записки сумасшедшего»)...

Какие разные, яркие, удивительные в своей законченности портреты! Они всякий раз поражают зрителя. Не только виртуозной техникой, с какой актер создавал их. Поражали открытием человеческого характера и глубинной сути явления.

ЛЕБЕДЕВУ-художнику присуще аналитическое отношение к миру. Он утверждает: «Художник молодой или старый, опытный или начинающий, должен задавать себе вечные вопросы, трудные вопросы. Независимо, что на них уже есть ответы — каждый должен ответить сам. Учтивая опыт сегодняшнего дня... Можно, конечно, заразиться мыслью автора, мыслью режиссера, сделать их своими. Но нельзя превратить этот способ работы в систему. Иначе перестанешь быть художником, будешь грамотным ремесленником, живущим чужими

идеями, чужими чувствами».

Так определяет свою гражданскую задачу ведущий актер Академического Большого драматического театра имени М. Горького, воспитанный в лучших традициях этого прославленного коллектива.

Десять лет идет на сцене этого театра спектакль «Мещане». Лебедев играет Бессеменова — одну из лучших своих ролей, за которую ему была присуждена Государственная премия. И каждый раз актер не только вовлекает нас в круг переживаний старшины малярного цеха старика Василия Васильевича Бессеменова,

затягивая своим порядком и невозможность понять их.

А судорожно играющий в светскость Монахов, сменяемый жадной самоутверждения, только ли смешон? Лебедев, видя в нем трагедию духовной заурядности, признает и его право на сочувствие. И этот человек в его исполнении переживает огромный душевный кризис, причина его в том, что люди, к которым он тянется (в том числе и его жена), не признают его равным. Но именно ему одному дано вдруг понять суетность происходящего и ужас случившегося, и в том, как этот провин-

Она с особой силой проявилась в гиперболично уродливом, гневно осмеянном гротесковом Уи (еще одной вершине актерского творчества Лебедева), диктаторе-маньяке, возглавившем поход против человечности.

НЕМНОГИМ актерам равно доступны все жанры: комедия, драма, трагедия. Лебедев принадлежит к их числу. Притом его персонажи всегда социально определены, выросли в конкретной среде. «Я не могу играть то, чего не знаю, никогда не видел или не испытал», — говорит актер. А его зоркий взгляд художника с юности умел разглядывать характерное. Еще выступая в самодеятельности, изображая сценку незадачливой рыбалки, он точно лепил забавный характер рыбака.

Принято считать, что творческий путь народного артиста СССР Евгения Лебедева сложился на редкость счастливо. Это, конечно, так. Счастлив актер, сразу нашедший своего режиссера. Встреча с Г. Товстоноговым еще в самом начале артистического пути, когда выпускник Московского театрального училища приехал в тбилисский ТЮЗ, во многом определила дальнейшую судьбу актера. Под руководством Товстоногова Лебедев накапливал свое мастерство на сцене ленинградского театра имени Ленинского комсомола. И вот уже более двадцати лет вместе с ним работает в Академическом Большом драматическом театре. Счастлив актер, творящий в ансамбле блестящих мастеров сцены. Но это и трудное счастье.

В свое время нелегко было прийти в театр волжскому пареньку. Окончив ФЗУ, он перепробовал массу профессий, работал на строительстве, на кондитерской фабрике, был грузчиком, вальцовщиком. В театральные училища поступал несколько раз и бросал. Негде было жить — ночевал в пустом театре, в скверах, на вокзалах. Домашние не помогали — попросту выгнали из дома, узнав о его желании стать актером.

Но страстная любовь к театру победила. Учился и работал. Много работал. Научился не бояться никакого труда. Удивительную работоспособность сохранил на всю жизнь. «Я могу заболеть от недостатка работы», — заверяет Лебедев, — но никогда не заболею от перегрузки».

Свободного времени у него нет. Он пишет рассказы. Недавно закончил книгу «Мой Бессеменов». Рисует. Мастерит деревянную скульптуру. И это творчество его связано с главным делом жизни — с театром, с его работой над ролями. Он ищет внутреннее состояние своих героев с пером и кистью в руках, ищет и наиболее выразительное внешнее проявление их сути.

Лебедев никогда не говорит: сегодня я закончил работу над ролью. И первая репетиция, и соотечественники для него только этапы постижения образа. Каждый спектакль для него новый, потому что сегодня он не такой, как вчера. Он несет зрителю свой сегодняшней опыт, свои сегодняшние раздумья. И потому его герои неповторимы. Конечно, эти же пьесы шли и идут в других театрах, эти же роли играют другие актеры, играют хорошо, даже блистательно. Но иначе. Потому что Лебедев не только «создает образ», но и проявляет в нем свое отношение к жизни, как никто иной.

К. КЛЮЕВСКАЯ

от которого уходит сын, а дочь пытается покончить жизнь самоубийством, но и заставляет нас размышлять о губительной силе мещанства, которое не только в герани на окошке и канарейке в клетке (это лишь внешние его признаки), а в определенном образе мышления, мировоззрении. И мы видим тогда не только трагедию отца, теряющего детей, но трагедию человека, запутавшегося в глупую придуманных им фетишей, ставшего добровольным рабом ничего не стоящих представлений и иллюзорных целей.

Трудно определить, какая это роль в исполнении Лебедева — комедийная или трагическая. У нас вызывают улыбку ежедневные ритуальные обряды Бессеменовым своего владения, его придирчивый осмолт собственности: все поднимет на место, торжественно заведет часы, похозяйски проверит ложечку — не покривили ли, расправит на столе скатерть, лаская, погладит добротную материю. Мы смеемся, когда в иступлении дикого скандала он станет звать полицию для поддержания рухнувшего домашнего мира и своего авторитета хозяина: сначала бережно увернет с окна цветы, каждый горшочек отдельно, а потом уже вскочит на подоконник и надорвется в отчаянном крике. Но мы будем сочувствовать ему, когда увидим в последнем акте раздвоенного нечестным человеком, страдающего жестоко и искренне. Лебедев раскрывает здесь трагедию человеческого ограниченности. Для Бессеменова она означает невозможность навяз-

циальный Наполеон вдруг просто и тихо скажет в финале: «Господа, вы убили человека... за что?» — будет предлинно трагическое потрясение.

И его Холстомер — одна из вершин актерского мастерства — тоже раскроет нам историю трагическую. Мы узнаем, как нелегко пронести чувство собственного достоинства через все испытания — через любовь, измену и славу, через жизнь и смерть. Трудно сказать, чего больше — эксцентрики или трагедии — и в лебедевском Фальстафе, в этом грустном весельчаке, мудром провидце, играющем в беззаботность. Даже в Мадемуазель Куку можно разглядеть драму несостоявшейся женственности.

Контраст смешного и трагического делает образы, созданные Лебедевым, удивительно объемными, придает им философский масштаб. Актер как бы неожиданно, с разных сторон высвечивает фигуры, в которых нам открываются неожиданные черты и глубины. И как ни различны роли, сыгранные актером за сорок лет артистической деятельности, все-таки определяется его главная тема: трагедия дисгармонии. В разных аспектах ее проявления.

Высокая и страстная гражданственность Лебедева-художника проявляется в протесте против всего, что губит человеческое в человеке. Эта тема, по-своему варьируясь, читается и в его Рогожине («Идиот»), и в Мармеладове («Преступление и наказание»), и в Аристархе Петровиче («Энергичные люди»), и в Супругове («Поезд милосердия»).